

Заключение

Советская мифология в эмигрантском фольклоре

В последние годы фольклористы проявляют все больший интерес к постфольклористике (термин Неклюдова), той области, которую Баузингер назвал «народной культурой мира технологии» (1990). Фольклористы в разных странах пишут о том, что вместе с общественными изменениями меняется и расширяется круг их исследований. Современная фольклористика междисциплинарна и не может не считаться с проникновением фольклора в, казалось бы, «нефольклорные» контексты культуры и повседневности, например в городской быт, повседневную речь, а также в публицистический, литературный и научный дискурс (Богданов 2002: 3, 4). Именно по этой причине авторы считали, что анализ личных рассказов иммигрантов из бывшего СССР будет поверхностным без обращения к русской и советской литературе, к средствам массовой информации и к дискуссионным Интернет-форумам, так как все они оказывают влияние на мировоззрение наших информантов. Междисциплинарностью современной фольклористики объясняется и наше частое обращение к литературе в области антропологии, социологии, психологии, социальной географии и т. д. Неклюдов отмечает, что постфольклор полицентричен. Он отражает социальную, профессиональную, клановую и даже возрастную стратификацию общества (<http://ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm>). Наша книга также показывает фрагментацию постфольклора: собранный материал представляет собой и фольклор бывших граждан СССР, и фольклор советских евреев, и фольклор новых израильтян. Эти группы совпадают, но лишь частично: не все бывшие граждане СССР покинули СНГ, не все эмигранты из СССР направились в Израиль, и не все новые израильтяне, приехавшие из СНГ, – евреи.

В процессе иммиграции всегда устанавливаются межкультурные контакты, которые могут изменить существовавшие ранее

представления о себе и о *других*. Знание истории и культуры *другого* способствует пониманию обычаев, моделей поведения и ценностей, а значит и более эффективному межкультурному общению.

Качественный анализ личных рассказов, предпринятый в этой книге, дал обширный материал о том, что понимание израильских реалий эмигрантами из бывшего СССР строится на основе семиотической системы, сформированной в стране исхода. Использование данных, полученных в ходе качественного анализа, может изменить отношения между социологией и фольклористикой.

В то время, как фольклористы плодотворно используют элементы методологии, разработанной в социологии, социологи пока редко обращаются к результатам исследований фольклора. Хочется надеяться, что использование полуструктурированных интервью, ссылки на анекдоты и интерес к городским легендам, наблюдаемые сегодня в социологии, – это первые ласточки продуктивного для обеих дисциплин сближения. Представляется, что нужно двигаться дальше и начать использовать данные фольклористики при составлении различных социологических опросов и вопросников структурированных интервью. Полезны были бы консультации фольклористов и педагогам, социальным работникам, психологам и другим специалистам, работающим с мигрантами.

Многие отрывки из интервью, процитированные в книге, показывают эклектичность, а часто и противоречивость в отношении наших информантов к реалиям страны исхода и принимающего общества. Это не порок, а вполне предсказуемое свойство неструктурированных интервью.

Данные таких интервью могут выглядеть противоречивыми, неточными или неполными по сравнению с ответами, получаемыми в условиях заранее спланированных экспериментов или структурированных интервью. Может показаться, что они не позволяют дать точную оценку лежащим в их основе процессам познания. Однако, по-видимому, эти свойства неформальных разговоров отражают противоречия, неточности и неполноту когнитивных процессов и

репрезентаций, включая усвоенные индивидом ограничения, которые общество накладывает на формирование и выражение мнений (Ван Дейк 1989: 119–120).

Нашей целью было найти корни этих противоречий в прошлом и настоящем опыте мигрантов. Эмигрируя в Израиль, советские евреи мечтали оказаться в однородном обществе, почувствовать себя желанными и защищенными. Не будучи подготовленными к тому, что Израиль – полиэтническая, поликультурная и многоязычная страна, вновь прибывшие оказались лицом к лицу с парадоксом: в СССР они чувствовали себя дома, хотя были в окружении разнообразных *других*, а в Израиле они оказались чужими среди *своих*. Встреча с многообразием фенотипов, языков и традиций разрушила стереотипный образ еврея, бытовавший в Советском Союзе. Рожденные евреями не всегда придерживаются одной веры, а кровное родство не всегда объединяет. Как указывал Дюрхэм, этничность одновременно является и идентичностью, и инструментом; это и утверждение культурной общности, и орудие, с помощью которого члены группы пытаются улучшить свое положение в обществе (Дюрхэм 1989: 138). Такая двойственность особенно значима в том обществе, в котором этническая принадлежность эксплуатируется идеологами. Как мы показали на разнообразных примерах, одно и то же слово может обозначать разные, а иногда и противоречащие друг другу понятия. Так, понятие еврейства давно стало в Израиле предметом манипуляций политиков и средств массовой информации: когда речь идет о потенциальных мигрантах, оно щедро расширяется, когда же речь заходит о реальных иммигрантах, включившихся в конкуренцию за имеющиеся в обществе блага, оно жестко ограничивается. Этничность, используемая как инструмент, была одним из источников фольклора советских евреев, затем питала фольклор Исхода и, наконец, оказалась у истоков фольклора иммиграции.

У большинства наших информантов отсутствует жесткая корреляция между этнической принадлежностью и отношением к Израилю. Не гарантирует расположения к Израилю и еврейская са-

моидентификация иммигранта. Реальность быстро разрушает утопические ожидания гармоничного общества и часто мешает осознанию своего я и своей группы как части мирового еврейства. Но независимо от того, евреи наши информанты или нет, принесла им иммиграция чувство удовлетворения или заставляет жалеть о сделанном шаге, все они поняли, что жить в Израиле – значит разделить его судьбу. И это важный шаг на пути открытий, потому что дальше может оказаться, что *они* гораздо больше похожи на *нас*, чем казалось поначалу.

В первые десятилетия существования государства Израиль идеологи, по примеру Америки, пытались избежать деления общества на различные этнические и культурные группы, следуя политике «плавильного котла». Но сложившаяся в обеих странах ситуация убедила их, что успех в построении культурно однородного общества может оказаться пирровой победой. В Израиле иммигранты 1990-х стали первой группой, активно воспротивившейся ассимиляции и показавшей решимость сохранить культуру страны исхода. И то, что советские евреи, практически полностью ассимилировавшиеся в СССР, оказались не готовы к этому в Израиле, кажется парадоксом лишь на первый взгляд. Интересное объяснение дает этому психолог Ротенберг. Советская система во многом унаследовала механизмы подавления, существовавшие в царской России. И направлены эти механизмы были не только против меньшинств, но и против интеллигенции, так как эта часть общества всегда тянулась к свободе и не поддавалась полному подчинению. Именно поэтому советская еврейская интеллигенция ощущала свою связь с русской культурой, а выработанные этические нормы были формой внутреннего протеста против подавления. Советские евреи надеялись, что в Израиле интеллигенция занимает ведущее положение в обществе. Велико было их разочарование, когда они осознали, что и там интеллигенция находится на периферии и не в состоянии предотвратить эрозию этических норм. В результате, мигранты вновь нашли приют в хорошо знакомом мире русской культуры. И снова пригодились проверенные

долгим опытом механизмы скрытой оппозиции (Ротенберг 2000: 217–218).

Дiaspora: двойное притяжение

В литературе эмигранты из бывшего СССР в Израиле относятся к категории возвращающейся диаспоры. Идеализированный взгляд на эту группу предполагает мобилизацию еврейского самосознания и символических связей с евреями, живущими в разных странах мира. И, действительно, многие интервьюируемые рассказали, что после эмиграции у них проснулся интерес к истории и традиции еврейского народа, а израильский образ жизни становится составной частью их личности. Другие признаются, что когда еврейская жизнь потеряла привлекательность нового и неизведанного, они утратили к ней интерес и постарались воссоздать на новом месте знакомый мир. Бен-Рафаэль подчеркивает роль электронных технологий и транспорта в процессе глобализации диаспор: опыт индивида в значительной степени видоизменяется благодаря современным технологиям, он фактически позволяет «жить на два дома», осесть в новой стране, полностью не покидая родину (Бен-Рафаэль 2001: 346–347). Изучая выходцев из бывшего СССР, поселившихся в разных странах, нельзя забывать о том, что многие ощущают на себе изменение политики России по отношению к эмигрантам. Возможность иметь второе гражданство и ездить на родину по делам и в гости снимает у многих напряжение и горечь, которую испытывали эмигранты, когда они знали, что дороги назад нет и что расставание с родными местами и людьми – навсегда. Взаимодействие факторов притяжения и выталкивания, повлиявших на решение эмигрировать, не прекращается в момент пересечения границы, а продолжает действовать в новой стране. Сложности интеграции в принимающем обществе мобилизуют общие культурные корни и активизируют ощущение солидарности с соотечественниками в новой стране проживания, а благодаря информации, поступающей благодаря личным контактам и

посредством электронных средств связи и с поселившимися в других анклавах. Важным фактором усиления притяжения к оставленной родине становится новая российская политика по отношению к эмигрантам: на смену отторжению (они стали *чужаками*) пришло включение их в разряд своих (это *наши люди за рубежом*) (см. Фиалкова 2004). Расширение связей с зарубежьем проявляется в активизации взаимодействия посольских и консульских служб с выходцами из СССР, поддержка Россией иммигрантских СМИ и общинных центров. В последние годы заметно оживились профессиональные и научные контакты, что выразилось в совместных конференциях российских ученых и ученых-эмигрантов, проживающих в разных странах, а также осуществление совместных проектов. Российские артисты много гастролируют в иммигрантских анклавах, а писатели-эмигранты публикуются российскими издательствами, обогащая знания россиян о жизни соотечественников за рубежом.

Вопрос о том, чьей диаспорой являются бывшие советские евреи, израильской или российской, стал в последние годы темой дебатов в научной литературе. Так, израильский ученый Шеффер по-прежнему рассматривает их в качестве «исторической диаспоры», сформировавшейся еще в средневековье, а Израиль представляется ему притягивающим центром (Шеффер 2003). Критикуя Шеффера, российский антрополог В.А. Тишков однозначно видит в них собственно советскую или даже российскую диаспору, где бы они ни селились, включая Израиль (Тишков 2003: 166). С нашей точки зрения, любой однозначный ответ на этот вопрос является идеологическим конструктом, не охватывающим все имеющиеся тенденции. Осознанно ощущают себя частью диаспоры, русского зарубежья, далеко не все иммигранты. Желание сохранить связь с родиной необязательно влечет за собой лояльность по отношению к покинутому государству или желание вернуться. Тема возвращения пока достаточно слабо представлена в иммигрантском дискурсе (Фиалкова и Еленевская 2004а), хотя перестала быть табуированной. Некоторые мигранты опасаются, что связи со страной ис-

хода могут помешать успешной интеграции в новой стране, и пытаются дистанцироваться от своего прошлого, что часто является признаком нестабильности и незащищенности личности. В большинстве же выходцы из бывшего СССР демонстрируют приверженность к привычному образу жизни, родному языку и желание хотя бы частично воспроизвести культурные институты, знакомые с детства. Как и в других областях жизни, фольклор играет важную роль и в развитии символов диаспоры. Возникает мифология постсоветской эмиграции, которая передается устно или в Интернете, распространяется иммигрантскими газетами и журналами, перепечатаваемыми статьи друг друга, и кабельным телевидением. Личные и общинные связи соединяют бывших советских граждан, поселившихся в разных уголках мира, друг с другом и с Россией. Экономическое положение и добрая воля, как принимающих стран, так и России, определяют, останется ли страна исхода центром притяжения, превратив русское зарубежье в мощную диаспору, подобную китайской и армянской, или связь прервется уже во втором-третьем поколении. Иными словами, вопрос о том, где бывшие советские евреи перестанут чувствовать себя чужаками, пока открыт.